

Georgian National Academy of Sciences
Iv. Javakishvili Tbilisi State University
Arn. Chikobava Institute of Linguistics
Institute of Caucasiology at Faculty of Humanities

IV International Symposium of Linguist-Caucasiologists

Issues of Structure of Stem and Root
in Ibero-Caucasian Languages

M a t e r i a l s

Национальная Академия наук Грузии
Тбилисский государственный университет
имени Ив. Джавахишвили
Институт языкознания имени Арн. Чикобава
Институт кавказоведения факультета
гуманитарных наук

IV Международный симпозиум лингвистов-кавказоведов

Вопросы Структура основы и корня
иберийско-кавказских языков

М а т е р и а л ы

Tbilisi 2015 Тбилиси

საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ივ. ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო
უნივერსიტეტი

არნ. ჩიქობავას სახელობის ენათმეცნიერების ინსტიტუტი
ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა ფაკულტეტის კავკასიოლოგიის
სასწავლო-სამეცნიერო ინსტიტუტი

ენათმეცნიერ-კავკასიოლოგთა IV საერთაშორისო სიმპოზიუმი

იბერიულ-კავკასიურ ენათა ფუძისა და
ძირის სტრუქტურის საკითხები

მ ა ს ა ლ ე ბ ი

თბილისი
2015

სარედაქციო კოლეგია: რ. აბაშია, ლ. აზმაიფარაშვილი (სწავლული მდივანი), ა. არაბული, ნ. არდოტელი, თ. ბურჭულაძე, ც. ბარამიძე, გ. გოგოლაშვილი, თ. ვაშაკიძე, მ. თეთრაძე, დ. კაკაშვილი, გ. კვარაცხელია, რ. ლოლუა, ნ. მაჭავარიანი, ე. საბანაძე, მ. სუხიშვილი, თ. უთურგაიძე, რ. ფარეულიძე, მ. ღლონტი, ვ. შენგელია (მთავარი რედაქტორი), ი. ჩანტლაძე, მ. ჩუხუა, რ. ჯაიანი.

Editorial Board: R. Abashia, A. Arabuli, N. Ardoteli, L. Azmaiparashvili (Scientific Secretary), Ts. Baramidze, T. Burchuladze, I. Chantladze, M. Chukhua, M. Glonti, G. Gogolashvili, R. Jaiani, D. Kakashvili, G. Kvaratskhelia, R. Lolua, N. Machavariani, R. Pareulidze, E. Sabanadze, V. Shengelia (Editor-in-chief), M. Sukhishvili, M. Tetradze, T. Uturgaidze, T. Vashakidze.

Редакционная коллегия: Р. Абашиа, Л. Азмайпарашвили (ученый секретарь), А. Арабули, Н. Ардотели, Ц. Барамидзе, Т. Бурчуладзе, Т. Вашакидзе, М. Глonti, Г. Гоголашвили, Р. Джаиани, Д. Какашвили, Г. Кварацхелиа, Р. Лолуа, Н. Мачавариани, Р. Пареулидзе, Э. Сабанадзе, М. Сухишвили, М. Тетрадзе, Т. Утургаидзе, И. Чантладзе, М. Чухуа, В. Шенгелиа (главный редактор).

© არნ. ჩიქობავას სახელობის ენათმეცნიერების ინსტიტუტი

ISBN

И. Г. Багирова, Ю. А. Ландер, Г. А. Мороз (Москва)

Понятие основы и морфологический анализ адыгейской словоформы

Адыгейский язык известен исключительной сложностью словоформы, которая может включать значительное число аффиксов. Прототипическую адыгейскую словоформу можно описать как последовательность нескольких морфологических зон: ЗОНА АКТАНТНОЙ СТРУКТУРЫ (А) – ПРЕДОСНОВНАЯ ЗОНА (В) – КАУЗАТИВ (С) – КОРЕНЬ/КОРНИ+ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАТОРЫ (D) – ОКОНЧАНИЯ (E). Ср., например, адвербиальную форму $[\emptyset\text{-}Iy\text{-}a]_A\text{-}[my]_B\text{-}[gьэ]_C\text{-}[cы]_D\text{-}[x\text{-}эy]_E$ [3PL.IO-LOC-3PL.ERG]_A-[NEG]_B-[CAUS]_C-[сидеть]_D-[PL-ADV]_E ‘им не позволили там быть’.

Зона А содержит выражение актантной структуры – личные префиксы абсолютного и эргативного участников, а также не прямых объектов, роль которых уточняется дополнительными префиксами актантной деривации (аппликативами), такими как локативный преверб *Iy-* в приведенной словоформе; ср. также $[c\text{-}\emptyset\text{-}e\text{-}жьy]_A\text{-}gьэ\text{-}лъэIy\text{-}gьэ\text{-}ба$ [1SG.ABS-3SG.IO-DAT-2PL.ERG]_A-CAUS-просить-PST-EMP ‘разве вы меня не заставили просить у него?!’. Зоны В и Е включают, в первую очередь, префиксы и суффиксы динамичности, префиксы и суффиксы отрицания, показатели синтаксического подчинения; ср. $ы\text{-}[my]_B\text{-}шIэ\text{-}[pэ\text{-}мэ]_E$ 3SG. ERG-[NEG]_B-знать-[DYN-COND]_E ‘если он этого не знает’. Эти зоны объединяются и морфонологически: в них не происходит чередования гласных /e/~a/ (см. о нем [Smeets 1983; Аркадьев, Тестелец 2009]). Зона С предназначена для выражения каузативизации, в том числе множественной: $p\text{-}a\text{-}p\text{-}и\text{-}[gьэ\text{-}gьэ]_C\text{-}уцyа\text{-}gь$ LOC-3PL.IO-DAT-3SG.ERG-[CAUS-CAUS]_E-вставить-PST ‘он повелел им поставить его туда’. Зона D включает один или несколько корней, а также разного рода суффиксы, как правило, уточняющие аспектуальные, временные и модальные характеристики пропозиции; ср. $y\text{-}кьэ\text{-}з\text{-}[gьоты\text{-}жьы\text{-}щт]_D$ 2SG.ABS-DIR-1SG.ERG [находить-RE-FUT]_D ‘я тебя снова найду’.

Как соотносится с этой схемой понятие основы? Хотя нередко это понятие берется как уже данное и очевидное, в литературе по адыгским языкам под основой словоформы подразумеваются совершенно разные и не сопоставимые единицы.

В работах М.А. Кумахова, в соответствии с традицией описания «языков средневропейского стандарта», основа предстает в виде части словоформы, получающейся за вычетом из словоформы явно словоизме-

нительных элементов. При этом классификация морфем как словоизменительных или словообразовательных не учитывает их формальные свойства и основывается исключительно на их семантике (и в частности, на сопоставимости с грамматическими категориями европейских языков – к словоизменению при этом относятся, в частности, показатели лица и числа, времени и некоторые другие). В результате М. А. Кумахову пришлось постулировать возможность неканонического явления – прерывистых основ, внутрь которых могут вклиниваться словоизменительные аффиксы. Между тем, в современных описаниях полисинтетических языков, аналогичных адыгейскому, отмечается, что их морфология не поддается однозначной классификации на словоизменение и словообразование; в частности, в них наблюдаются морфемы, отличающиеся исключительной продуктивностью (свойство словоизменения), но не образующие очевидные парадигмы (свойство словообразования). Не случайно, что и описания адыгских языков, исходящие из противопоставления словоизменения и словообразования, расходятся в классификации некоторых показателей как словоизменительных или словообразовательных – это касается, в частности, показателей актантажной деривации и, в частности, локативных превербов, которые, например, в трудах З. И. Керашевой трактуются как совмещающие словообразовательную и грамматическую (словоизменительную?) функции.

Полярный М. А. Кумахову подход принят в некоторых работах, в которых основа выделяется на основе формальных свойств (в первую очередь, допустимости чередования /e~/a/) и фактически включает зону D, иногда объединяемую с зоной C. Очевидное отклонение от традиционного представления здесь связано с тем, что в зоне D, как правило, выражаются и временные и модальные значения, во многих описаниях причисляемые к словоизменительным и не ассоциирующиеся с понятием основы. С другой стороны, этот подход соответствует представлениям о том, что типичное словоизменение связано с выражением синтаксически значимой информации – именно аффиксы, определяющие такую сочетаемость, и выносятся за пределы основы.

Наконец, как указывает М. А. Кумахов, существует определение основы, тесно связанное с противопоставлением словоизменения и словообразования, но основанное на том, что основа характеризуется семантическим единством и представляет собой название объекта, действия или качества. Естественно, подобное понимание на практике является слишком размытым, но именно оно обычно определяет включение той или иной последовательности морфем в словарь. Впрочем, словари адыгейского

языка отличаются некоторым волюнтаризмом в том, что в них включается, а что нет: основные принципы, способствующие включению последовательности морфем в словарь, связаны с такими параметрами, как частотность последовательности, ее некомпозициональность (невозможностью вывести ее значение из значений ее частей, как, например, в случае *фэгушIo*- ВЕН-радоваться ‘поздравить’), связанность корня (невозможность его употребления без сопутствующих морфем, если только они не являются очевидно словоизменительными), переводимость одним словом в условиях двуязычности словарей. Из этого списка, по крайней мере, частотность и некомпозициональность действительно могут (хотя и не обязаны) отражать лексикализацию сочетания морфем. При этом, однако, в полисинтетическом языке зачастую лексикализуются или, по крайней мере, фиксируются в составе устойчивых сочетаний морфем показатели, которые при европоориентированном подходе должны трактоваться как словоизменительные; например, рефлексивные и реципрокальные показатели, парадигматически соотносимые с личными префиксами, как в *зэ-Iэ-фы-РЕС.Ю-ЛОС-гнать*- ‘разносить (обувь)’.

В рамках формализованного анализа адыгейской морфологии, направленного на возможность автоматического распознавания частей слова в тексте и дальнейшего ручного поиска по сочетаниям морфем, все описанные выше интерпретации понятия основы являются существенными. С одной стороны, мы исходим из уже имеющихся словарей адыгейского языка, основывающихся на семантическом понимании основы – в таком случае возможность поиска словоформ, объединяемых семантически выделяемой основой, является принципиальной как раз в силу частотности и некомпозициональности. С другой стороны, автоматическое распознавание частей слова требует учета информации о формальных свойствах морфем, ограничениях на их расположение, рекурсивного вложения морфологических составляющих, что делает особо полезной формальную концепцию основы. Наконец, разрабатываемый нами поиск по корпусу текстов должен иметь возможность абстрагироваться от категорий, наиболее близких к европейской концепции словоизменения. Это придает смысл и исходному пониманию основы как несловоизменительной части слова, хотя в силу особенностей полисинтетической морфологии, на наш взгляд, неправильно сводить такие основы исключительно к образованию новых лексем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-07434а).

Сокращения

ABS – абсолютивная серия личных префиксов; ADV – адвербиалис; BEN – бенефактив ‘для’; CAUS – каузатив; COND – кондиционал ‘если’; DAT – дативный преверб; DIR – директив ‘сюда’; DYN – показатель динамичности; EMP – показатель эмфазы; ERG – эргативная серия личных префиксов; FUT – будущее время; IO – серия личных префиксов непрямого объекта; LOC – локативный преверб; NEG – отрицание; PL – множественное число; PST – прошедшее время; RE – рефактив (‘снова’) / реверсив (‘назад’); REC – показатель взаимности; SG – единственное число.

Ц. Б а р а м и д з е (Тбилиси)

Особенности взаимоотношений сегментных структур корня, основы и слога в табасаранском языке

В табасаранском языке принципы синтагматики фонем определяют сегментную структуру корня, основы и слога. Результаты исследования сегментной структуры корня, основы и слога, а также синтагматика фонем, фонотактические ограничения и допущения представлены в монографии «Фонематическая структура табасаранского языка» (Ц. Барамидзе). Без таких предварительных исследований не могут быть решены вопросы морфонологии языка.

В настоящей работе выдвигается положение о том, что в табасаранском языке строение корня и основы точно так же, как и слога, определяется синтагматическими принципами фонем. Эти принципы идентичны для всех трех иерархических уровней (корня, основы и слога). Исследование вопроса позволяет прийти к важному выводу, что табасаранский язык относится к числу тех языков, в которых синтагматика фонем и обусловленные этим фонотактические ограничения идентичны в корне слова и на стыке морфем. Это свидетельствует о том, что правила, допустимые или запрещенные в корне слова, допустимы или запрещены на стыке морфем.

Например, если в корне запрещен комплекс гласных, то он будет запрещен и на стыке морфем; если в корне в ауслауте допустим комплекс согласных с сонором, то такой комплекс будет допустим и на стыке морфем и т. д.